

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

*Н.Н. ЗАРУБИНА***Историческая память как источник знаний
о цивилизационной специфике России***

В статье выявлена связь “цивилизационного” и “гуманистического” поворотов в социологии и обоснована необходимость проблематизации содержания повседневных представлений о цивилизационной специфике России. На основании современных теоретических новаций в цивилизационном подходе показано, что одним из перспективных направлений исследований является обращение к исторической памяти россиян. Обосновано, что память о советском периоде российской истории как особом этапе модернизации и о постсоветских реформах 1990-х гг. содержит противоречивые оценки событий, в которых отражаются альтернативные варианты воплощения базовых цивилизационных ценностей справедливости и солидарности.

Ключевые слова: “цивилизационный поворот”, “гуманистический поворот”, цивилизационная специфика России, социальное время, длинные временные циклы, историческая память, модернизация.

*Посвящается памяти
Бориса Сергеевича Ерасова*

В 2016 г. исполнилось 25 лет с начала постсоветского реформирования российского общества, нового этапа его модернизации, а в нынешнем 2017 г. — 100 лет Октябрьской социалистической революции. Эти даты знаменуют два принципиальных поворота в истории нашей страны, воплощение двух принципиально различных проектов модернизации, прервавших поступательное развитие общества, расколовших его, но в то же время по-своему воплотивших цивилизационную сущность России. История показала, что особенности постсоциалистического транзита России и государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, а также стран Центральной и Восточной Европы, при сходствах общего вектора и содержания проводимых там реформ, сильно различаются в соответствии с их цивилизационной спецификой [Россия... 2015]. И сегодня для России актуален не просто поиск подходящей модели модернизации и следование ей, а “цивилизационное встраивание в современность” [Козловский 2009, с. 62].

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 15-06-04266.

Зарубина Наталья Николаевна — доктор философских наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ. Адрес: Вернадского просп., д. 76, Москва, 119454. E-mail: n-zarubina@yandex.ru

В связи с этим среди исследователей растет популярность цивилизационного подхода, в ходе массовых опросов социологи все чаще задают вопросы о цивилизационной принадлежности и идентичности России. Идеи ее специфики как цивилизации, несовместимой с западным образом жизни, ныне разделяют до трех четвертей респондентов, в то время как лишь четверть придерживаются идеи следования западному пути [Российское... 2015, с. 185].

В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос о содержательном определении цивилизационной специфики России, а также о методологии и инструментарию получения ответа на него в ходе исследований состояния общественного сознания россиян.

Цивилизационная специфика России и необходимость обновления инструментария исследований

Понятие цивилизации, при его растущей популярности у социологов, пока остается недостаточно определенным и не используемым. Скорее всего, оно подразумевает некое *a priori* ясное содержание, нежели раскрывает суть понятия, что не может не повлиять на его применение в конкретных исследованиях. Й. Арнасон, профессор Карлова университета (Прага) — один из инициаторов создания и функционирования тематической группы “Историческая и сравнительная социология” Международной социологической ассоциации, один из ведущих представителей цивилизационного анализа в мировой социологии, отмечает, что понятие цивилизации столь же неопределенно и дискуссионно, как и понятие общества, но социологам от него столь же сложно и невозможно отказаться [Арнасон 2011^b, с. 20].

Потребность в обновлении теоретико-методологического аппарата исследований модернизационных процессов в современном мире в 70-е гг. XX в. вызвала к жизни “цивилизационный поворот” в социологической теории. Это была реакция на доминирование структурного функционализма и институционального макроанализа и состояла во введении в социологическое теоретизирование культурно-исторического измерения социального бытия и исторической контингентности [Браславский 2012, с. 34]. Лидером “цивилизационного поворота” стал Ш. Эйзенштадт, соединивший, по замечанию Б. Ерасова, философские проникновения К. Ясперса в “смысл истории” с веберовским рациональным анализом духовности [Сравнительное... 2001, с. 101].

Факт несомненного роста популярности цивилизационного подхода и идеи цивилизационной специфики России проблематизирует ее *содержание* как особого фактора развития общества в XXI в. В этом смысле цивилизационный подход не противостоит дискурсу модернизации, а актуализируется им, и можно проследить связь между исследованиями множественности вариантов модернизации и “цивилизационным поворотом” в современной социологии. Согласно представлениям современных исследователей, цивилизационная специфика состоит не в особенностях “культурного ядра”, социальных отношений и институтов. Она прежде всего предполагает способность социокультурной системы развиваться на собственных основаниях и *давать собственные ответы на вызовы времени*. Рассмотрение России как особой цивилизации предполагает, таким образом, определение содержания ее особого ответа на эти вызовы, с учетом исторического многообразия его возможных форм.

Цивилизация как форма социальной общности, интегрированная специфическими механизмами социальной регуляции, всегда представляет собой вариант решения проблемы упорядочения социальных отношений на основе отделения сакрального от профанного, Добра от Зла, закона от беззакония, и т.д. Поэтому можно согласиться с Ерасовым в том, что по существу своему цивилизационный подход “при любом определении включает в себя оценку человеческого потенциала, культурных обретений и утрат в исторической динамике” [Ерасов 2001, с. 107]. Таким образом, гуманистический подход к социальному развитию становится одним из важнейших компонентов “цивилизационного поворота” в социологии. Это эпистемологически

сближает “цивилизационный поворот” с “гуманистическим поворотом”, о востребованности которого в современной социологии пишет С. Кравченко [Кравченко 2013, с. 12–13]. Их близость обусловлена ориентацией на анализ развития человеческого потенциала в контексте сложных рефлексивных социокультурных образований с нелинейной динамикой.

По Эйзенштадту, в основе “цивилизационных формаций” лежат “осевые революции”, состоявшие в “утверждении изначально существующей напряженности между трансцендентным и мирским порядками”. Императив разрешения противоречия порождает множество идейных течений, предлагающих различные варианты соответствующей перестройки земного порядка, личности и поведения, закрепляющихся в соответствующих институтах. Формируются цивилизационные общности, превосходящие рамки этнических и политических образований, с собственной логикой внутреннего устройства, идентичности, противостояния внешней среде и т.д. [Сравнительное... 2001, с. 96–98]. Цивилизации никогда не бывают полностью интегрированными и монолитными, напротив, они предполагают постоянную конкуренцию альтернативных идейных проектов разрешения “осевых” противоречий. Поэтому цивилизации предполагают (наряду с развитием духовных центров и базовых институтов) постоянное воспроизводство инакомыслия, конфликтов и противоречий, конкурирующих институциональных порядков регуляции различных “арен” социальных взаимодействий [Сравнительное... 2001, с. 99]. Исследование гетерогенности основ цивилизации, через которую раскрывается цивилизационная специфика, представляет наиболее существенную сложность для социологических исследований, и нуждается в обосновании нового инструментария.

Цивилизация как аналитическая категория предполагает ориентацию на длинные временные циклы. Как отмечал Ф. Бродель, цивилизация – “самый древний персонаж человеческой истории: экономики сменяли одна другую, политические институты рушились, общества следовали одно за другим, но цивилизация продолжала свой путь” [Бродель 1992, с. 60]. Революции, смена правящих элит и стратегий развития, экономические подъемы и кризисы, конфликты и союзы во внешнеполитических отношениях в структуре исторического времени – это локальные, подчиненные “времени большой длительности” цивилизации. По мнению О. Шкаратана, особенности русской цивилизации, внутренние источники и движущие силы ее развития могут быть выявлены лишь при анализе этой большой длительности [Шкаратан 2014, с. 82–83].

Цивилизационный подход предполагает выявление стабильных и длительных во времени основ социальной регуляции, специфичных для разных обществ. В этом его отличие от исследований “зависимости от пройденного пути” (path dependence), которые делают акцент на локальных исторических обстоятельствах – “рубцах” на институциональной структуре общества, оказывающих значимое влияние на последующее развитие [Плискевич 2016, с. 125–126]. В контексте цивилизационного подхода радикальные, инверсионные изменения ценностных оснований и институциональной регуляции на разных этапах исторического развития России в дореволюционный, советский и постсоветский периоды, рассматриваются в качестве альтернатив, по-своему воплотивших цивилизационную специфику. Однако проблема в том, чтобы эту специфику содержательно определить.

Цивилизационный подход, как было показано, предполагает ориентацию на историческое «осевое» время как сложно структурированную связь прошлого, настоящего и будущего. По утверждению Ясперса, а за ним и Эйзенштадта, “осевое время” сопряжено с открытием базовых онтологических противоречий, вокруг которых развиваются мировые культуры и осмысление которых на новых витках истории сопряжено не только с движением в будущее, но и с возвратом к идеям и ценностям прошлого. Социальный механизм восприятия исторического времени цивилизации – память в различных формах: социальная, сохраняющая идентичность сообществ; культурная, воспроизводящая символы, значения, ценности; коммуникативная, обеспечивающая

живую связь поколений в непосредственных intersубъективных взаимодействиях; институциональная, поддерживаемая нормативными порядками и закрепленная государственной политикой. Взаимодействие разных форм памяти обеспечивает жизнеспособность цивилизации, и через историческую память цивилизационные механизмы оказывают влияние на более динамичные процессы в сферах экономики, политики, культуры, в том числе и на процессы модернизации.

В последнее время идеи развития на основе цивилизационной специфики России вышли за рамки чисто научного дискурса и приобрели массовую популярность, поэтому большой научный интерес представляет их повседневный смысл. Что подразумевает не “эксперт”, а “человек с улицы” (А. Шютц) под “особой цивилизацией” и как он понимает “особый путь” модернизации? Что знают россияне, в первую очередь молодежь, о модернизации России и ее цивилизационной специфике? Одно из возможных направлений поиска ответа на этот вопрос — анализ исторической памяти россиян с целью выявления их представлений об особенностях развития нашей страны. Причем в содержании исторической памяти интересны *долгоживущие смыслы*, проходящие, пусть в измененном виде, сквозь радикальные трансформации и в своей стабильности воспроизводящие цивилизационные особенности российского общества. Думаю, что сохраняемые исторической памятью поколений общие ценности и смыслы, проходящие через все социокультурные трансформации, модернизации, революции, репрезентируют “осевые” смыслы, а через них — цивилизационную специфику общества.

Историческая память как источник представлений о цивилизационной специфике модернизирующегося общества

В классическом понимании модернизация представляет собой целенаправленное движение от традиционных “прошлых” состояний к “современности”. Поэтому дискурс модернизации методологически предполагает определенный вектор времени, бинарную оппозицию “прошлого—будущего”. Однако это движение не является линейным. Отталкиваясь от прошлого, модернизация всегда подразумевает его переосмысление, то есть возврат к нему в форме актуализации исторической памяти в трех измерениях. Во-первых, это критический “пересмотр” прошлого опыта, переоценка культурных ценностей, норм, институтов, от которых предполагается отказаться в процессе реформирования общества. Обычно такой переоценке подвергаются традиционные экономические уклады, аскриптивные социальные статусы и сообщества, коллективистские ориентации и т.п. — все то, что, как предполагается, “мешает” движению в будущее. Во-вторых, это обращение к исторической памяти для поиска в культурном наследии таких элементов — от норм поведения до событий и персоналий, которые, будучи переосмыслены в нужном ключе, могут стать социокультурными и символическими факторами становления новых институтов и практик. В-третьих, противоречия, проблемы, трудности, сопровождающие процесс модернизации, также способствуют оживлению воспоминаний о прошлом. Если в ходе социальных трансформаций положение ухудшается, а надежды на улучшение не подкрепляются на практике, то у наиболее пострадавших групп возникает ностальгия по прошлому. Оно начинает переоцениваться в позитивном ключе, что способствует росту традиционалистских, антимодернистских настроений. Более того, недоступность модернизированных практик для некоторых социальных групп становится причиной их архаизации, адаптации к переменам на основе обращения к практикам, почерпнутым из прошлого.

Модернизация актуализирует обращение к прошлому и оживление исторической памяти, движение к будущему предполагает активное присутствие прошлого и его переоценку с точки зрения ожидаемого и желаемого будущего. Проекции оценок прошлого на ожидаемое будущее позволяют формировать поведенческие стратегии, основанные на опыте. В то же время они предполагают реструктурирование

стереотипных социальных практик применительно к новым условиям. Однако сама неоднозначность запроса на историческую память в условиях модернизации обуславливает и множественность форм этой памяти, и неоднозначность оценок фактов прошлого, их символической репрезентации в настоящем. Фактически знание о прошлом в условиях модернизации всегда становится ареной дискуссий и конфликтов, что подтверждает невозможность единого социально- и культурно-приемлемого взгляда на прошлое в переходном обществе.

Таким образом, вовсе не случайно в российских социальных науках в 1990-х гг. начался “бум памяти”, продолжающийся до сих пор. Были проведены многочисленные репрезентативные исследования различных аспектов исторической памяти, сложной динамики конструирования образов прошлого, релевантных обоснованию современных социальных практик. Причина в том, что для социологов значимо не только знание о прошлом само по себе, а его активное участие в формировании установок по отношению к современности и будущему, мотивации поведенческих стратегий и ценностных ориентаций (см. [Историческое... 1990; Тощенко 1998; Тощенко 2000; Власть... 2011; Наше... 2015; Калейдоскоп... 2016] и др.). Именно поэтому и можно говорить об исторической памяти как механизме воспроизводства цивилизационной специфики.

Под исторической памятью¹ понимают набор знаний о прошлом, присутствующий в обыденном сознании и актуализированный в повседневных практиках, институциональных образованиях и символических системах. Для нее характерны такие признаки обыденного знания, как релевантность, intersubъективный характер, некогерентность (несогласованность), противоречивость, бездоказательность, насыщенность эмоциональными оценками [Шютц 2003, с. 193–195]. Этим она отличается от научного исторического знания, ориентированного на объективность, систематизацию, специализированный понятийный язык, подкрепление результатов доказательными методами, эмоциональную нейтральность. Полученные знания входят в сложный, несистематизированный комплекс исторического сознания – представлений о прошлом, которые формируются под влиянием эмоциональных воспоминаний, семейных преданий, символов и мифов, транслируемых средствами массовой информации, художественной исторической литературы, кинематографом и т.д.

Важнейший признак исторической памяти – ее изменчивость, текучесть. Память – всегда сложная динамика воспоминания, сохранения и забывания, отторжения, определяемая не только и не столько индивидуальностью субъекта, сколько “социальными рамками” (М. Хальбвакс), задаваемыми групповой принадлежностью, социокультурной ситуацией и прочими социальными обстоятельствами. Для актуализации воспоминаний необходим соответствующий язык, дискурс, вне которого индивидуальные воспоминания невозможны. Можно согласиться с Е. Трубиной, отмечающей “урок структуралистской философии”, состоящий в том, что подобно тому, как дискурсы “говорят” людьми, ими коллективная память “вспоминает” индивидуальные историями [Трубина 2011, с. 38].

Индивидуальная память обращается не только к собственному опыту, но и к опыту других людей, принимает intersubъективный характер, является результатом коммуникации, общения между членами группы [Хальбвакс 2007, с. 203]. И в то же время наличие общей памяти делает саму коммуникацию возможной, позволяет поддерживать и воспроизводить единство группы на основе общности отношения к прошлому. Воспоминания об общих успехах и провалах, преуспевании и лишениях сплавляют и формируют идентичность, например, “выигравших” и “проигравших” в результате реформ и т.д.

Intersubъективным характером исторической памяти определяется и ее социальная неоднородность, противоречивость и некогерентность. Те факты, те события, которые для одних социальных групп связаны с позитивными сторонами жизни,

¹ Основы подходов к исследованию исторической памяти сформулированы в [Хальбвакс 2005; Хальбвакс 2007; Мид 2014; Ассман 2004; Ассман 2014] и др.

могут быть негативными символами для других, с позитивными оценками в одном повествовании могут вполне уживаться негативные. В отличие от исторической науки, в исторической памяти нет “объективных фактов” — они обретают оценку и смысл в контекстах воспоминаний конкретных социальных групп и индивидов в определенные моменты их жизни, а затем, по мере изменения интересубъективных контекстов, могут пересматриваться.

Актуализированные в исторической памяти знания о прошлом в комплексе с его оценками, отношением к нему, определяются потребностями настоящего. Люди смотрят на настоящее с позиций прошлого опыта, однако при этом выстраивают такую картину прошлого, которая обеспечивает комфортное воспроизводство реальных социальных практик в настоящем [Подвойский 2015, с. 53]. Каждая социальная группа как носитель исторической памяти актуализирует те аспекты прошлого, такой вариант истории, которые бы легитимизировали ее реальные позиции. Эта потребность в памяти для обоснования настоящего вызывает к жизни столь же социально- и культурно-обусловленное *забвение*. Будучи естественным антиподом, “обратной стороной” памяти, забвение также определяется “социальными рамками”. Утрачиваются индивидуальные воспоминания, не востребованные групповой и институциональной памятью. Забываются (не обязательно преднамеренно) травмирующие события прошлого, вносящие разлад и конфликтность в современное состояние индивида, группы, института. В условиях модернизации, когда происходит целенаправленная реструктуризация исторической памяти, мы часто имеем дело с “предписанным забыванием”, необходимым обществу для того, чтобы актуализация негативного прошлого опыта не блокировала будущие перспективы, не подрывала единство и идентичность группы [Трубина 2011, с. 30]. Именно внутренняя неоднородность, гетерогенность, противоречивость исторической памяти позволяет предположить, что ее исследования могут способствовать выявлению такой особенности цивилизационного развития, как многообразие смыслов и институциональных форм их реализации, воплощающих поиски решения противоречий “осевого времени”.

Российская модернизация в исторической памяти россиян

Основной мотив интереса россиян к истории — потребность понять настоящее через его корни, и стимулируется она, в числе прочего, недоверием к противоречивым интерпретациям значимых событий в СМИ, популярной и научной литературе [Покида, Зыбуновская 2016, с. 99]. Рассмотрим некоторые особенности исторической памяти о двух попытках модернизации страны, предпринятых в течение последних 100 лет, — как социалистической революции и советского периода истории, так и постсоветского реформирования России, начавшегося в 1990-х гг.

В связи с проблематикой цивилизационного развития наиболее остро стоит вопрос об отношении россиян, в том числе молодежи, к Октябрьской социалистической революции и советскому периоду истории. Специалисты дают им не просто неоднозначные, а полярно противоположные оценки. Во всей этой широкой гамме экспертных и ценностных суждений важно, во-первых, что советский период рассматривают как попытку контрмодернизации, то есть достижения современного уровня промышленного и технологического развития, минуя типичные для модернизированных стран социально-политические и культурные образцы. Во-вторых, именно советский период модернизации ряд исследователей склонны рассматривать как *цивилизационный ответ* России на вызовы индустриального модерна [Арнасон 2011^a].

Советский период представлен в живой, коммуникативной (Я. Ассман) памяти современных россиян, на него пришлась большая часть жизни старших поколений, а также детство и юность средних, о нем они рассказывают молодежи как непосредственные очевидцы и участники событий, определяя тем самым эмоциональные составляющие исторической памяти. На повседневное знание о советском периоде истории наложили отпечаток, с одной стороны, его активная критика во время перестройки и реформ

1990-х гг., продолжающаяся и сегодня в либеральном дискурсе. Она актуализирует воспоминания о негативных событиях советской истории — репрессиях, культе личности Сталина, преследовании инакомыслящих, застое в экономике, дефиците, очередях и т.д. С другой стороны, проблемы и трудности повседневной адаптации к постсоциалистическим переменам вызвали волну ностальгии у средних и старших поколений, не всегда критически осмысленных позитивных воспоминаний.

Противоречивость отношения к советскому периоду, готовность к пересмотру его оценок отлично иллюстрируют данные о восприятии россиянами достижений в области освоения космоса, развития тяжелой и оборонной промышленности. В 2001 г. отказ от дорогостоящих программ в области обороны и освоения космоса 20% респондентов рассматривали как “самое большое приобретение реформ” 1990-х гг., что было обусловлено представлениями о необходимости переориентации экономики на удовлетворение текущих потребностей и ликвидацию дефицита товаров повседневного спроса. Однако в 2011 г. такого мнения придерживались лишь 9% опрошенных, что свидетельствует о пересмотре многими россиянами своего отношения к достижениям прошлого в условиях деиндустриализации страны, развала наукоемких производств, депрофессионализации и архаизации производительных сил [Двадцать лет... 2011, с. 24]. Сегодня достижения страны в освоении космоса, в том числе первый полет человека, высокий уровень индустриально-технического развития в советский период предстают как один из основных предметов гордости россиян.

Однако, признавая достижения советского периода в области создания высокого промышленного потенциала страны, развития высокотехнологичных современных отраслей производства, молодые люди в большей степени, чем представители старших поколений, высказываются за экстенсивный, ориентированный на использование природных ресурсов, путь развития. Лишь 54% респондентов до 30 лет поддерживают идею приоритетного развития высокотехнологичных и наукоемких производств, в то время как в старших когортах их доля составляет около 65% [Мареева 2013, с. 363]. Молодежи ближе идеи малого или даже микробизнеса, приносящего быстрые результаты.

К положительным чертам советской социально-экономической системы молодые люди относят высокий уровень развития промышленности, в том числе оборонной, и трудовой характер общества. Нередко молодежь ссылается на оценки старших, подчеркивающих стабильность и социальные гарантии советского периода в противоположность современной неуверенности в будущем. Но при этом плановая централизованная советская экономика оценивается как “неэффективная” на основе рассказов о дефиците товаров, пустых прилавках, “карточках” и “талончиках” на самые необходимые повседневные продукты, об изнурительных очередях, о вынужденности покупать красивые и модные вещи у спекулянтов. Способность строить космические ракеты и неспособность производить качественные массовые автомобили — фатальный провал экономической стратегии с точки зрения людей, проходящих социализацию в обществе массового потребления. Любопытно, что для молодежи, привыкшей к изобилию товаров и отсутствию очередей, дефицит и небольшой ассортимент доступных товаров представляется существенным недостатком советской экономики, в то время как старшие поколения вспоминают о них несколько реже [Степанова, Саганенко, Чупахина 2015, с. 155–157].

Самым же главным недостатком советской системы сегодня считают “ограниченность возможностей”, как потребительских, досуговых, так и заработков, профессиональной и личностной самореализации. Эти проблемы приписываются именно централизованному плановому характеру организации народного хозяйства и нередко распространяются на идеи планирования и регулирования экономики вообще. Даже примеры конструктивного опыта других стран по использованию регулятивных механизмов в рыночной экономике и в ходе модернизации воспринимаются с подозрением. Возможности применения элементов планирования и государственного регулирования экономики в современной России отвергаются не столько на основе рациональных, сколько эмоциональных аргументов.

Кроме того, молодое поколение, проходящее социализацию в отсутствие единой идеологии и массовых мобилизационных институтов вроде обязательных молодежных политических организаций, пугает возможность активного влияния государства и/или институтов и сообществ на личные жизненные стратегии. Молодежи в большей степени, чем старшим поколениям, присущ индивидуализм как ориентация на собственные, а не общественно значимые цели. Поэтому драматические события прошлого века — массовые репрессии, преследования инакомыслящих и проч., воспринимаются не столько в рамках дискурсов гуманизма или прав человека, сколько как посягательство власти на личное жизненное пространство.

Наиболее принципиальной особенностью социокультурного устройства российского общества считаются коллективистские ориентации. И коллективизм, и “братство” сегодня называют одним из преимуществ советского периода истории [Степанова, Саганенко, Чупахина 2015, с. 159]. Это представление заимствовано из коммуникативной памяти, рассказов старших, однако привести убедительные примеры проявления коллективизма в современной России, в собственной повседневной жизни молодые люди не могут. Даже позитивные оценки каких-либо сторон советской системы не оказывают существенного влияния на восприятие реальности и желание перенести их в современность.

Реформы 90-х гг. XX в. стали наиболее яркой после петровских преобразований попыткой догоняющей модернизации, ориентированной на заимствование эффективных институциональных и социокультурных образцов на Западе. Хотя 48% молодых людей не идентифицируют себя с европейцами, не чувствуют к ним близости, все же более 40% хотят видеть нашу страну живущей по тем же правилам, что и западные страны. Больше всех эту точку зрения поддерживает молодежь в возрасте 18–21 года, в старших когортах количество ее сторонников заметно снижается [Мареева 2015, с. 366–367]. В целом молодежь разделяет представление большинства о том, что Россия — это особая цивилизация, хотя и не столь интенсивно, как респонденты старших возрастов: в 2011 г. его поддерживали 51% тех, кому 18–25 лет, 66% респондентов 26–35 лет, при 77% по остальному населению [Двадцать лет... 2011, с. 269]. Столь же противоречива сегодня и память россиян о реформах 1990-х гг. Только среди молодежи тех, кто позитивно их оценивают, больше, чем тех, кто относится к ним негативно — 33% против 26% (18–25 лет) и 37% против 23% 26–30 лет, хотя и неопределившихся больше всего (41 и 40%) [Двадцать лет... 2011, с. 12].

Приватизация, один из важнейших этапов на пути от централизованной плановой экономики к рыночной, получает, скорее, негативные оценки вследствие “незаслуженности” перераспределения собственности. Большинство студентов признают, что для развития рынка и частного предпринимательства приватизация была необходима, но не в такой форме. Возможно, считают молодые люди, не стоило передавать в частные руки природные ресурсы и крупные стратегические предприятия. Эти наблюдения вполне совпадают с оценками отношения молодежи к приватизации, сделанными Ф. Шереги по итогам всероссийского репрезентативного исследования: лишь 9% считают приватизацию справедливой; несправедливой, но закономерной — 32%; и ни справедливой, ни закономерной — 57% (при 2% затруднившихся ответить) [Шереги 2013, с. 71–72]. Все это свидетельствует о низкой легитимности в глазах россиян, в том числе молодых, основ современного развития рыночной экономики в России. Однако пересмотр результатов приватизации никому не кажется решением проблемы. Позитивными результатами приватизации студентам представляется появление ответственного заинтересованного собственника и расширение спектра возможностей экономической, профессиональной, личностной самореализации, отсутствие которых казалось им столь серьезным недостатком советской системы. На фоне открытия новых горизонтов в ходе реформ 1990-х гг. неизбежные потери становятся “платой” за обретаемые перспективы.

Самое большое обретение в результате реформирования российского общества в 1990-х гг., по мнению россиян, — насыщение рынка товарами (52%). Для молодых

людей по сравнению со старшими поколениями важным стало появление возможностей для личного самовыражения и карьеры (21–25% для молодежи и 14% для остального населения), более яркой и интересной жизни (соответственно, 22–26% и 16%), более высоким заработков (28–34% и 26%), свободного выезда за рубеж (36–35% и 24%) [Двадцать лет... 2011, с. 265]. Демократические свободы в числе достижений реформ называют все меньше респондентов [Двадцать лет... 2011, с. 25–26]. Очевидно, с одной стороны, для молодежи, прошедшей социализацию в постсоветское время, свобода слова представляется естественной, с другой же стороны, молодежь не испытывает в ней особой потребности: ведь все, что она может сказать обществу, вполне вписывается в существующие нормативные рамки. Таким образом, период реформ 1990-х, при всех противоречиях, дал импульс дифференциации социальных ролей, открытию новых возможностей личностного роста, и это справедливо воспринимается молодежью как главное достижение тех лет.

В середине 2010-х гг. уже можно говорить о ностальгии не только по советскому периоду, но и по эпохе реформ конца 1980-х — начала 1990-х гг., которые рассматриваются как “время творчества”, время открытия небывалых возможностей. Среди высокообеспеченных россиян в 2011 г. 52% позитивно оценивали реформы 1990-х гг., а 22% — негативно. Однако эта ностальгия присуща лишь тем, кто сумели добиться успеха, поскольку среди малообеспеченных мы видим оценки почти зеркально обратные: позитивных 22%, негативных 55% [Двадцать лет... 2011, с. 13]. Важнейшими негативными последствиями рыночных реформ россиянам видится раскол общества на богатых и бедных, а также падение благосостояния большинства россиян. Именно с возможностями личностной самореализации и повышения индивидуального благосостояния у россиян ассоциируется “западная цивилизация”, которая, как мы видели, в 1990-х вызвала гораздо больше симпатий, чем теперь.

Таким образом, важнейшим недостатком общества равенства, каким воспринимается советский период истории, историческая память выделяет невозможность личностной самореализации в различных ее аспектах — от карьерного роста и возможностей заработка до более интересной и яркой жизни. А недостатком общества индивидуальной свободы, каковым был период “лихих 90-х”, — отсутствие справедливости и защищенности. Ностальгия по обоим периодам свидетельствует, что самые теплые личные воспоминания о советском обществе связаны именно с равенством и солидарностью, а о периоде реформ 1990-х — с расцветом творчества, открытием широких возможностей развития личности и достижения высокого статуса, которыми, правда, не все смогли воспользоваться.

Содержание исторической памяти россиян, при всей его гетерогенности и изменчивости, свидетельствует о значимости для представителей разных социальных групп и поколений *справедливости* и *солидарности*. Однако в эти понятия вкладывается разный смысл. Если для одних социальных групп (малообеспеченных, старших поколений) преобладает ценность *защищенности* и *поддержки*, то для обеспеченных, успешных, молодых людей это прежде всего *возможность самореализации, развития личности* и личных достижений. Важнейший запрос россиян в отношении государства — поиск оптимальных форм соотношения личной самореализации индивида и удовлетворения его базовых запросов, в том числе на благополучие, безопасность, правовую защищенность.

При всех принципиальных различиях в оценках, каждый исторический период развития российской цивилизации, каждая попытка модернизации, может быть оценена как реализация того или иного социально и культурно обусловленного и политически поддержанного проекта достижения искомых справедливости и солидарности. Недостаток советского периода и, в конечном счете, причины его провала, состоял в невозможности свободы личностной самореализации при безусловном приоритете общественных интересов, олицетворяемых государством, и поддерживаемой ими уравнительной справедливости. А недостаток вестернизаторской модернизации 90-х гг. XX в. состоял, напротив, в гипертрофии личностной свободы при несправедливом социальном расслоении, незащищенности общих интересов, а также ослаблении

роли государства как их носителя. Думается, что “осевая проблема”, вокруг которой развивается российская цивилизация — это поиск оптимального баланса между разными представлениями о справедливости и солидарности, который на протяжении драматичной истории нашей страны был представлен в различных проектах модернизации, государственного устройства, идеологиях и социальных теориях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнасон Й. (2011^a) Коммунизм и модерн // Социологический журнал. № 1. С. 10–35.
- Арнасон Й. (2011^b) Понимание цивилизационной динамики: вводные замечания // Журнал социологии и социальной антропологии. № 6. С. 18–29.
- Ассман А. (2014) Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ.
- Ассман Я. (2004) Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры.
- Браславский Р. (2012) Цивилизационная перспектива в социологическом анализе современных обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. № 6. С. 30–49.
- Бродель Ф. (1992) Время мира. Т. 3. М.: Прогресс.
- Власть времени: социальные границы памяти (2011) М.: Центр социальной политики и гендерных исследований.
- Двадцать лет реформ глазами россиян (2011) М.: ИС РАН.
- Ерасов Б. С. (2001) Глобальный хаос и криминал как продукт крушения цивилизационного устройства // Теневая экономика и политическая коррупция в обществах переходного типа. М.: Восток. С. 99–122.
- Историческое сознание: состояние и тенденции развития в условиях перестройки (результаты социологического исследования) (1991) М.: ЦСИ АОН.
- Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие. Сборник статей по материалам Международной междисциплинарной конференции (2016) Саратов: Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина.
- Козловский В. В. (2009) Цивилизационные вызовы современности // Петербургская социология сегодня. Сб. научн. трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История. С. 55–67.
- Кравченко С. А. (2013) Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика. № 1. С. 12–23.
- Мареева С. В. (2013) Российская молодежь: идентичности, ценности и представления об оптимальном общественном устройстве // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 12. М.: Новый хронограф. С. 361–380.
- Мид Дж. Г. (2014) Философия настоящего. М.: НИУ ВШЭ.
- Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства (2015) СПб.: Эйдос.
- Плискевич Н. М. (2016) Path dependence и проблемы модернизации мобилизационного типа // Мир России. № 2. С. 123–143.
- Подвойский Д. (2015) Хвост, виляющий собакой: как актуальное настоящее формирует изменчивое прошлое // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства. СПб.: Эйдос. С. 53–64.
- Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. (2016) Динамика исторической памяти в российском обществе // Социологические исследования. № 3. С. 98–106.
- Российское общество и вызовы времени. Книга первая (2015) М.: Весь мир.
- Россия как цивилизация: Материалы к размышлению. (2015) М.: Мир России.
- Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / под ред. Б. С. Ерасова (2001) М.: Аспект-Пресс.
- Степанова Е. И., Саганенко Г. И., Чупахина Ю. А. (2015) Восприятие советского периода и двадцатилетия современной российской реальности тремя поколениями // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства. СПб.: Эйдос. С. 148–165.
- Тощенко Ж. Т. (1998) Историческая память и социология // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 3–5.

Тощенко Ж. Т. (2000) Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–15.

Трубина Е. (2011) Учасье вспоминать: векторы исследований памяти // Власть времени: социальные границы памяти. М.: Центр социальной политики и гендерных исследований. С. 25–44.

Хальбвакс М. (2005) Коллективная и историческая память (<http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>).

Хальбвакс М. (2007) Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство.

Шереги Ф. (2013) Российская молодежь: настроение, ожидания, ценностные ориентации. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

Шкаратан О. И. (2014) Евразийский вектор русского цивилизационного транзита. Статья 1 // Общественные науки и современность. № 3. С. 73–83.

Шютц А. (2003) Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. М.: Ин-т фонда “Общественное мнение”.

Historical memory as a source of knowledge about the specifics of the Russian civilization

N. ZARUBINA*

*Zarubina Natalia – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of sociology, Moscow State Institute of International Relations. Address: 76, Vernadskogo str., Moscow, 119454, Russian Federation.

E-mail: n-zarubina@yandex.ru.

Abstract

It is identified the relation of “civilization” and “humanistic” turns in sociology and it is explained the necessity to problematize the content of everyday views on civilizational specifics of Russia. On the basis of modern theoretical innovations in the civilizational approach it is shown that one of the promising areas of research is to appeal to the historical memory of the Russians. It is proved that the memory of the Soviet period of Russian history as a special stage of the modernization and reform of the post-Soviet 1990-ies contains contradictory assessments of the events which reflect alternative manifestations of basic civilizational values of justice and solidarity.

Keywords: “civilization turn”, “humanist turn”, Russian civilizational specifics, social time, long term cycle, historical memory, modernization.

REFERENCES

Arnason J. (2011^a) Kommunizm i modern [Communism and Modern]. *Sociologicheskij zhurnal*, no. 1, pp. 10–35.

Arnason J. (2011^b) Ponimanie civilizatsionnoj dinamiki: vvodnye zamechanija [Understanding of Civilizational Dynamics: Introductory Remarks]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, no. 6, pp. 18–29.

Assmann A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Policy]. Moscow: NLO.

Assmann J. (2004) *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Letter, Memories on the Past and Political Identity at the High Ancient Cultures]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Braslavskij R. (2012) Civilizatsionnaya perspektiva v sociologicheskom analize sovremennykh obshchestv [Civilizational Perspective in the Sociological Analysis of Contemporary Societies]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, no. 6, pp. 30–49.

Braudel F. (1992) *Vremja mira* [The Perspective of the World]. T. 3. Moscow: Progress.

Dvadcat' let reform glazami rossijan [Twenty Years of Reforms by Eyes of Russians] (2011) Moscow: IS RAN.

Erasov B. S. (2001) Global'nyj haos i kriminal kak produkt krusheniya civilizatsionnogo ustroeniya [Global Chaos and Crime as a Product of the Collapse of Civilization Dispensation]. *Tenevaya ekonomika i politicheskaya korrupcija v obshchestvakh perekhodnogo tipa* [Shadoweconomy and political corruption at the transitional types Societies]. Moscow: Vostok, pp. 99–122.

Halbwachs M. (2007) *Social'nye ramki pamjati* [The Social Frameworks of Memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Istoricheskoe soznanie: sostoyanie, tendentsii razvitiya v usloviyakh perestroyki. Vserossiyskoe issledovanie (may–iyun' 1990 g.) [Historical Consciousness: State, Development Trends at the Framework of Perestroika (May – June 1990)]. Moscow: CSI AON.

Kaleydoskop vremeni: uskorenie, inversiya, nelineynost', mnogoobrazie. Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy konferentsii (2016) [Kaleidoscope of Time: Acceleration, Inversion, Non-Linearity, Diversity. A Collection of Articles Based on the International Interdisciplinary Conference] Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet imeni Yu. A. Gagarina.

Kozlovskiy V. V. (2009) *Civilizacionnye vyzovy sovremennosti* [Civilizational Challenges at Our Time] *Peterburgskaya sociologiya segodnya. Sbornik nauchnykh trudov Sociologicheskogo instituta RAN*. St-Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 55–67.

Kravchenko S. A. (2013) *Vostrebavannost' gumanisticheskogo povorota v sociologii* [The Relevance of a Humanistic Turn in Sociology]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, no. 1, pp. 12–23.

Mareeva S. V. (2013) *Rossiyskaya molodjzh': identichnosti, cennosti i predstavleniya ob optimal'nom obshchestvennom ustrojstve* [Russian Youth: Identity, Values and Ideas about Optimal Social Structure]. *Rossija reformirujushchajasja. The Russia Transforming Ezhegodnik*, vyp. 12. M.: Novyj khronograf, pp. 361–380.

Mid Dzh. G. (2014) *Filosofiya nastoyashchego* [The Philosophy of the Present]. Moscow: NIU VShE.

Pliskevich N. M. (2016) *Path dependence i problemy modernizatsii mobilizatsionnogo tipa* [Path Dependence and the problems of Modernization of Mobilization Type]. *Mir Rossii*, no. 2, pp. 123–143.

Podvojskiy D. (2015) *Hvost, viljajushchij sobakoj: kak aktual'noe nastojashchee formiruet izmenchivoe proshloe* [The Tail Wagging the Dog: How Relevant the Present Forms a Chequered Past]. *Nashe proshloe: nostalgicheskie vospominaniya ili ugroza budushchemu? Materialy VIII sociologicheskikh chtenij pamjati Valerija Borisovicha Golofasta* [Our Past: Nostalgic Memories or Threat to the Future? The Proceedings of VIII Sociological Readings in Memoriam Valery Borisovich Golofast]. St-Petersburg: Jejdos, pp. 53–64.

Pokida A. N., Zybunovskaja N. V. (2016) *Dinamika istoricheskoy pamjati v rossijskom obshchestve* [The Dynamics of Historical Memory in Russian Society]. *Sociologicheskije issledovaniya*, no. 3, pp. 98–106.

Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaja (2015) [Russian Society and the Challenges of Time. Book First]. Moscow: Ves' mir.

Rossija kak civilizacija: Materialy k razmyshleniju (2015) [Russia as a Civilization: Materials for Meditation]. Moscow: Mir Rossii.

Sheregi F. (2013) *Rossiyskaja molodezh': nastroyenie, ozhidaniya, cennostnye orientacii* [Russian Youth: Mood, Expectations, and Value Orientations]. Moscow: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga.

Shkaratan O. I. (2014) *Evrazijskiy vektor russkogo civilizatsionnogo tranzita. Stat'ja 1.* [The Eurasian Vector of the Russian Civilizational Transit. Article 1]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 73–83.

Schütz A. (2003) *Smyslovaja struktura povsednevnogo mira. Oчерki po fenomenologicheskoy sociologii* [The everyday-life world semantic structure]. Moscow: Obshchestvennoe mnenie, pp. 191–206.

Sravnitel'noe izuchenie civilizacij. Hrestomatija. [A Comparative Study of Civilizations]. (2001) Moscow: Aspekt-Press.

Stepanova E. I., Saganenko G. I., Chupahina Ju. A. (2015) *Vospriyatie sovetskogo perioda i dvadcatiletija sovremennoj rossijskoj real'nosti tremja pokolenijami* [The Perception of the Soviet Period and of the Twentieth Anniversary of the Modern Russian Reality by Three Generations]. *Nashe proshloe: nostalgicheskie vospominaniya ili ugroza budushchemu? Materialy VIII sociologicheskikh chtenij pamjati Valerija Borisovicha Golofasta* [Our Past: Nostalgic Memories or Threat to the Future? The Proceedings of VIII Sociological Readings in Memoriam Valery Borisovich Golofast]. St-Petersburg: Jejdos, pp. 148–165.

Toshchenko Zh. T. (1998) *Istoricheskaya pamyat' i sotsiologiya* [Historical Memory and Sociology]. *Sotsiologicheskije issledovaniya*, no. 5, pp. 3–5.

Toshchenko Zh. T. (2000) *Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat': analiz sovremennogo sostoyaniya* [Historical Consciousness and Historical Memory: a Modern Stature Analysis]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 4, pp. 3–15.

Trubina E. (2011) *Uchas' vspominat': vektory issledovaniy pamjati* [Learning to Remember: the Vectors Studies of Memory]. *Vlast' vremeni: social'nye granicy pamjati* [Power of Time: Borders of Memory]. Moscow: Centr social'noj politiki i gendernykh issledovaniya, pp. 25–44.

Vlast' vremeni: sotsial'nye granitsy pamyati [Power of Time: Social Borders of Memory]. Moscow: Tsentr sotsial'noy politiki i gendernykh issledovaniy, 2011.